

Душа

Душа обитает в теле,
Как мода в сиянии страз?
Как Бог на экранах теле
В рекламе батончиков Mars?
А может, душа в улыбке,
В простом сочетании слов,
А может, в скромном отрывке
Собрания толстых томов.

Душа обитает в скрипке,
В поющем звучании струн
Вивальди, Моцарта, Шнитке,
Веков убывающих лун.
И в детском рисунке тоже
Таится всё та же душа,
Легко уместаясь, может,
На кончике карандаша.

Душа обитает в сердце,
В колечке на правой руке,
И в первом крике младенца,
И в первой несмелой строке...

В последней записи блога,
Души охранительный спас,
Как доказательство Бога,
Как капля бессмертия в нас.

Просто осень наклонила небо,
Просто лето больше не у дел –
Пролетело мимо, словно небыль,
И уснуло в листьях, словно шмель.

Просто солнце не туда упало.
Просто клёны, не туда склонив
Зябко плечи, пряча в одеяла,
Напевают простенький мотив.

Просто праздник – эти перемены,
Просто песни – эти вечера,
Словно горечь маленькой измены
Для любви большой ещё вчера.

Просто ветер обрывает листья,
Просто листья, сколько не скорби.
Эти листья догорят, как письма,
Словно наша память о любви.

Просто осень уронила небо,
Просто лето больше не у дел –
Утонуло в листьях неумело,
Как кораблик детства, сев на мель.

Ватник

Сибирские гвардейские полки,
Готовые и в стужу воевать,
А за спиной Москва стоит в штыки
И Родина, что величаем Мать!

Мороз такой, что просто нету слов,
Но мне от мысли в ватнике тепло,
Что где-то далеко, среди снегов,
Спокойно спит сибирское село.

Четыре класса школы за спиной!
Весь алфавит я знаю наизусть.
Я знаю, кто Тургенев и Толстой,
Я не читал их, честно ... ну и пусть.

Я не успел ещё построить дом,
Но с пасекой давно уже на ты,
А по отцу считай, что агроном,
Вот только дай вернусь живым с войны.

Вот наш наводчик знает обо всём,
Под пули ходит с книжкой записной.
Уверен твёрдо, мы Москву спасём,
Бывалый, видно сразу, городской.

Он сочиняет странные стихи,
Про листопад, про тонущих коней.
Я тоже сочинил про шум тайги,
Про звон сибирских рек и ширь полей.

Мой ватник пусть от пули не спасёт,
А бледный фриц застынет надо мной,
Знать, он меня от тела оторвёт
И понесёт над стонущей землёй.

Я не отдам своих лесов и рек
И не забуду русский алфавит,
Закрыв собою красно-белый снег
И всё, что сердце в памяти хранит.

Я буду камнем на дороге

Я буду камнем на дороге,
Лежащим на твоём пути,
Который, не сбивая ноги,
Перешагнув, легко пройти.
Пройти и даже не заметить,
На всё, что было, несмотря,
Как будто нет на белом свете
И вовсе не было меня!
Ведь я мог быть краеугольным,
Иль преткновения! Как знать?!
Я мог с тобой в ушке игольном
Одним мгновением дышать.
Ведь мы с тобой могли, как дети,
Минуя стены и мосты,
Как будто сны в рыбачьих сетях,
Весь день по городу брести.
Могли, застыв, смотреть на воду
И на пылающий огонь
Зари в чудесную погоду
И слушать, как поёт гармонь ...
Но нет!

Не тот огонь Одесский,
Который нас с тобой обрёл
На этот выбор, столь не детский,
И вот уже взведён курок.
И вот уже стальная сила
Нас гонит вдоль и поперёк,
Как будто заждалась могила,
На Запад я, ты на Восток!
И сердце рвётся от удара,
Как это всё произошло?

С какого страшного угара
Мосты так жёстко развело?!

Я буду камнем на дороге,
Лежащим на твоём пути,
Последним вдохом на пороге
Родной до горсточки земли...
НЕ ПРОХОДИ! НЕ ОТРЫВАЙСЯ!
НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ, МОЙ БРАТ!
Пробач мене і сам покайся
У Киевских Великих Врат.

Дремлет сонный Коктебель

Дремлют старенькие дворики,
Мреет белая сирень,
По утрам танцуют дворники,
Не взирая на мигрень.
Не взирая на болезную,
Вот отсюда до сель,
На головушку нетрезвую
Да на сонный Коктебель,
На холмы Феодосийские,
Сколько бельмы не таращь.
Спят пещеры Киммерийские,
Лев не выпрыгнет из чащ.
Лишь медведь, и тот с потехою
Под цыганскую свирель...
Ишь, варяги, понаехали,
Растудыть твою в качель!

С той поры как нет Волошина,
Сколько маков отцвело?!

Память снегом запорошена,
Но по-прежнему светло
В кельях беленых известью,
Где когда-то жил поэт,
Обаявший рифмой хлёсткою
Солнцеликую Сехмет.
Также Солнцу ухмыляется
Профиль Макса с утраца,
Также юную красавицу
Тать крадёт из-под венца.
Также искренне печалится
Неба облачная гжель,
Над головками физалиса
Наклоня акварель.

А ночами по-над памятью,
Над площадкой смотровой,
Осенённый звёздной замятью,
Макс качает головой.
Где же вы, мои сподвижники,
Олимпийцы, босяки,
Обормоты, чернокнижники,
Рифмоплёты-остряки?
Где же наши песнопения,
Наши вирши и стихи,
Наши славные творения?
Где хитоны? Где венки?!
И, о чудо! В час назначенный,
Как ответ на зов творца,
Весь туманами охваченный,
Оживает свод дворца.
И, как скалы, весь обветренный,
Со стихами на губах

Коктебельский век серебряный
Проплывает на глазах!

Лишь под утро, сном подкошенный,
Лель ложится в колыбель.
Спит республика Волошина,
Дремлет сонный Коктебель...

Ещё в раю не так морозно,
Ещё окрест не выцвел лес,
Ещё друг с другом всё серьёзно,
Ещё так рано ставить крест –
На всём, что было между нами,
И том, что будет до поры,
Когда наш сад под топорами
Уронит чёрные стволы.
Ещё проносятся минуты,
Сплетая души и тела,
Когда на все замки замкнуты
Входные двери и дела.
Ещё холодной рукою,
Сжимая лезвие стекла,
Душа родная, став чужою,
Горячих вен не рассекла.
Ещё бедой не потянуло,
И опустевшая земля
Ещё не падает со стула,
И не сжимается петля.
Ещё так рано ставить точку,
И ты царапаешь плечо,
Моим губам подставив мочку,
И шепчешь мне – ещё, ещё ...

Не надо...

Незнакомцу с любовью

Небо такое же, как и всегда,
Цвета забытой удачи,
Также в канавах темнеет вода,
Только немного иначе.
Та же позёмка метёт по земле,
В те же земные пределы,
Также рифмуя на сером стекле,
Те же кружочки и стрелы.
Тот же вагон завернёт не туда,
В ту же январскую стужу,
В ту же мишпуху ведут провода,
Только, казалось бы, в ту же.
Та же аптека и тот же фонарь,
Та же, как будто, пивная,
Только на грязном полу киноварь
Тихо напомнит, иная.
Тот же бродяга, под тот же рефрен,
В той же скукоженной позе,
Смотрит без глаз и без ног до колен,
Только теперь на морозе.
Как бы его не водил поводырь
Стёжками райского сада,
Как бы ему не читался псалтырь,
Кажется, больше, не надо.
Сколько бы снег не белил образа
Окон разбухших фасадов,
Сколько бы их не слезились глаза,
Кажется, больше, не надо ...

Фламандская простота

Поздним днём, декабрём,
Очертания не чётки,
Крыши тонут, словно лодки,
В жёлтой мгле за фонарём.

За окном-серебром
Заплетают ветер косы
У заплаканной берёзы
Мокрым снегом и дождём.

Как гнусавый фагот,
Дымоход в печи рыдает,
Как по нотах время тает
И течёт наоборот.

И фигуры людей,
И задумчивых животных
На заснеженных полотнах
Проступают всё ясней.

Всё яснее эта грусть,
Эта радость без причины,
Говорящая с картины –
Всё проходит, ну и пусть.

Ну и пусть говорит!
Может, так проходит время?!
Словно маковое семя,
Прорастая сквозь гранит.

Может, в этом весь секрет?
Жизнь и смерть бегут тропую,
Как охотник за лисою,
До поры сплетая след.

Может, соль-то в простоте?..
Время в стоптанных ботфортах
Пишет копотью на стёклах,
Словно Брейгель на холсте.

Покров

В ожидании снега
Мир прозрел и затих.
Мне у зимнего берега
Белый грезится стих.
В нём осталось проститься
С тем, что ясно без слов.
Скоро новой страницей
Ляжет белый покров.
Первый снег, как обновка,
Как язык букваря.
Как физалис-церковка
На холсте ноября.
Переулок, качели,
Запах мокрой золы,
Потемневшие ели,
Ворох жухлой листвы.
И по кровлям нисходит
До земли небосвод,
И знакомый до боли,
Чей-то голос зовёт.

И в снегах ностальгии,
Охватившей меня,
Вроде те, но ... иные,
Лица, мысли, слова.
Мне осталось проститься
С тем, что ясно без слов.
Скоро новой страницей
Ляжет белый покров...

Вкус поэзии

Зов поэзии – детство,
Что в ладони кричало
У истоков наследства
На таёжном причале.
Свет поэзии – юность,
Что вела за собою,
И романтики лунность
У костра над рекою.
Суть поэзии – зрелость,
Содержание, форма,
Лета хвойная прелость,
Тишина после шторма.
Дух поэзии — старость,
Лист шершавой ладони
Да полынная пряность
На осеннем перроне.
Вкус поэзии – малость,
От конца до начала,
Это то, что осталось,
Когда всё прозвучало.